

УДК 821.112.2 + УДК 82 – 36

**АНЕКДОТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС О НАЦИОНАЛЬНОСТЯХ И СТРАНАХ
В НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ РУБЕЖА XX–XXI ВЕКОВ**

© 2015 г.

А.В. Елисеева

Санкт-Петербургский госуниверситет

elisseeva_alexan@mail.ru

Поступила в редакцию 03.02.2015

Цель данного исследования – рассмотрение претекстов двух книг рубежа XX–XXI вв. – «Солнечной аллеи» Т. Бруссига и «Russendisko» В. Каминера, в которых большую роль играет дискурс о странах и национальностях. Используются методы компаративистского и интертекстуального анализа. В результате проведенного исследования раскрыта интертекстуальная связь нарративных стратегий в обоих произведениях с фольклорным жанром анекдота. Сделаны также выводы о различиях между двумя сочинениями, проявляющихся среди прочего в обращении к разным поджанрам – у Бруссига сильнее ощутимо влияние политического анекдота, у Каминера – анекдота о национальностях. Рассмотрены игра с анекдотическими стереотипами у Каминера и политически обусловленная динамика анекдотического нарратива у Бруссига.

Ключевые слова: Томас Бруссиг, Владимир Каминер, немецкая проза рубежа XX–XXI вв., анекдот, интертекстуальность, претекст, национальные стереотипы.

Анекдот является одним из немногих фольклорных жанров, не только сохранившихся, но и процветающих в XXI в. Многочисленные зарубежные и российские исследования анекдота раскрывают амбивалентную сущность этого типа текста. С одной стороны, анекдот выполняет субверсивную функцию, высмеивая авторитеты, власти, пародируя официальные культурные коды (например, политический анекдот) [1, 2], с другой стороны, в образцах этого жанра закрепляются и передаются стереотипы – социальные, гендерные и не в последнюю очередь национальные [3, с. 47–82]. В различных странах бытуют как анекдоты о жителях других стран, так и об этнических группах страны, где возник текст (немецкие анекдоты о восточных фризах, российские анекдоты о чукчах и т.п.).

Проблема взаимодействия художественной литературы, прежде всего прозы, с жанром анекдота является недостаточно изученной. В то время как немалое внимание уделяется присутствию в художественных произведениях элементов мифа или различных фольклорных форм (сказки, предания, легенды и т.п.), анекдотический дискурс в литературе редко становится предметом исследования. Однако в художественной практике встречается и понятие «роман-анекдот». Такой подзаголовок дал своему произведению «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина» Владимир Войнович (первая книга трилогии была написана в 1963–1969 гг.). Существуют только отдель-

ные работы, в которых рассматривается взаимосвязь художественной прозы и анекдотического нарратива, например, статья Ефима Курганова «Сергей Довлатов и линия анекдота в русской прозе» [4]. При этом многие произведения XX – начала XXI в. можно прочитать именно через призму жанра анекдота. К таким книгам относятся и тексты, созданные двумя современными авторами, живущими в ФРГ – Томасом Бруссигом и Владимиром Каминером. Этих писателей многое объединяет и многое отличает. Бруссиг родился в Берлине и пишет на родном языке, Каминер появился на свет в Москве, переехал в Германию и сочиняет на выученном во взрослом возрасте немецком. При этом оба автора принадлежат к одному поколению (Т. Бруссиг родился в 1964 г. или в 1965 г., В. Каминер – в 1967 г.) и ныне живут в одном городе (Берлине). И Бруссиг, и Каминер написали немалое количество книг, пользующихся значительным успехом в ФРГ и за рубежом. Роднит творчество двух писателей и скептическое отношение к нему со стороны «академического литературоведения», часто игнорирующего их тексты [5] или пренебрежительно относящегося к ним, особенно бурную реакцию вызывает у русскоязычных читателей и литературоведов деятельность Каминера, обвиняемого в коммерческом использовании национальных стереотипов, в искажении советской и постсоветской реальности, в отсутствии художественных открытий и т.д. [6].

В данной статье для анализа выбраны две книги, появившиеся почти одновременно и обеспечившие известность двух авторов – «Солнечная аллея» („Am kürzeren Ende der Sonnenallee“, 1999 г., русский перевод М. Рудницкого 2004 г.) Т. Бруссига и «Russendisko» (2000 г., в авторизованном переводе 2003 г. на русский язык, выполненном Н. Клименюком и И. Кивель, название оставлено без изменения). Жанр обеих книг трудно поддается определению: произведение Каминера представляет собой сборник забавных историй, объединенных автобиографическим повествователем, эмигрировавшим из СССР в ГДР и оказавшимся впоследствии на территории ФРГ. Большая часть «Солнечной аллеи» Бруссига повествует о жизни подростков в Восточном Берлине возле Стены. Книга представляет собой ряд ассоциативно сцепленных друг с другом историй (что мотивировано модусом воспоминания), объединенных одним пространством (улицей «Солнечная аллея»), временем и героями. Упоминание в одной истории какого-либо персонажа или события влечет за собой новый рассказ, при этом в некоторых случаях хронологическая последовательность эпизодов ускользает от читателя. Таким образом, сама структура обеих книг воспроизводит ситуацию рассказывания анекдотов – у Каминера автобиографический рассказчик вспоминает смешные случаи из своей жизни, у Бруссига одна история вызывает у повествователя воспоминания о другой.

Рассказанные в книгах истории обнаруживают большую структурную общность с жанром анекдота. Тут уместно указать на различное значение в немецком и русском языке понятия «анекдот» (Anekdote). В современном русском языке термин «анекдот» используется, прежде всего, для обозначения комического короткого рассказа с неожиданной развязкой [3, с. 20]. В немецком языке для наименования этого жанра употребляется слово „Witz“ [7, S. 1035–1036]. Второе значение русского слова «анекдот», маркированное как устаревшее, соответствует семантике немецкого понятия „Anekdote“ и обозначает короткий рассказ о каком-нибудь историческом лице или событии, не претендующий на истину, комический или лишенный комизма. Для обозначения этого феномена в русском языке используется также словосочетание «исторический анекдот». С такого исторического анекдота начинается книга «Солнечная аллея». В главе «Потухший чинарик Черчилля» повествуется, почему небольшая часть Солнечной аллеи досталась советскому сектору: якобы на Потсдамской конференции Сталин

вовремя поднес огонь к потухшей сигаре британского премьер-министра и в благодарность Черчилль уступил ему небольшую часть улицы с красивым названием. Нужно сказать, что придуманный Бруссигом анекдот оказывается мало отличим от многочисленных анекдотов об Уинстоне Черчилле, имеющих хождение на немецком, русском и прочих языках (так в СССР бытовали анекдоты о Сталине, Черчилле и Рузвельте.), причем в этих анекдотах тоже немаловажную роль играет неизменная сигара британского премьера. Но не только черты исторического анекдота, но и того жанра, который называется по-немецки «Witz», различимы в историях книг Бруссига и Каминера. Примером такой истории может послужить рассказ о поездке одного из героев, страстного путешественника Лутца, в Монголию. Не имея в Монголии знакомых, персонаж решает подделать приглашение и сам изображает печать на нем, срисовав герб с тугрика, выловленного в фонтане Нептуна. Поскольку в органах ГДР никто не знал, как выглядит монгольская печать, герою дали разрешение на выезд. Обзаведясь в Монголии знакомыми, он получил для своего друга уже настоящее приглашение, заверенное подлинной государственной печатью Монгольской Народной Республики. Но когда друг Лутца обратился за разрешением на выезд, ему отказали, объяснив, что у него поддельный документ и показали, как выглядит «подлинная» печать на самодельном приглашении Лутца. В истории присутствуют черты анекдотического нарратива, отмечаемые исследователями: краткость, комизм, во многом обаянный неожиданной развязкой (пуанту), находящейся, как правило, в конце текста, а также использование приема гиперболизации (Монголия – настолько маргинальная страна, что власти ГДР не знают ее печать). На примере этой истории в то же время можно видеть и отличие анекдотического нарратива, интегрированного в художественную прозу, от анекдота как фольклорного жанра: подобно притче, мифу, легенде и т.п., этот тип текста, входя в письменное литературное произведение, меняет некоторые качества: часто увеличивается длина истории, вместо устойчивого набора персонажей-масок действуют конкретные герои произведения, исчезают свойства, присущие устному фольклорному жанру (роль интонации и произношения, метатекстовое окружение). Поэтому и в связи с книгами Бруссига и Каминера корректнее говорить об анекдотическом дискурсе или анекдотическом нарративе в художественной прозе, а не о присутствии жанра анекдота «в чистом ви-

де». В контексте теории интертекстуальности можно определить такой феномен как проявление системной референции, предполагающей обращение не к конкретному тексту, а к целому жанру или дискурсу [8].

Примечательно, что история о приглашении из Монголии обнаруживает не только структурные признаки анекдотического жанра, но и органично входит в тематическую группу анекдотов о Монголии, существующих как на русском, так и на немецком языках (иногда с идентичным содержанием). Эти анекдоты также содержат насмешку над якобы нецивилизованной страной, находящейся на периферии культурной и политической жизни.

Другие истории в книгах Бруссига и Каминера, в том числе те, в которых объектами изображения является какая-либо страна или этническая группа, также часто обнаруживают сходство с анекдотами на ту или иную тему. Для произведения Бруссига, в котором в основном речь идет о времени позднего социализма, характерно, прежде всего, обращение к поджанру политического анекдота. Именно в эпоху Э. Хоннекера (в СССР – Л.И. Брежнева) бурно развивался политический анекдот [9, с. 32–34]. В политическом анекдоте о странах и этнических группах часто пародируются коды, в том числе национальные, официальной культуры. Это происходит и в истории, рассказанной в «Солнечной аллее». Примером такой истории может послужить реакция Михи на вопрос учительницы *где живут дети, которым приходится тяжелее всего*, заданный в ожидании ответа: во Вьетнаме. *Миха, не хотевший собирать макулатуру или металлолом на очередной акции солидарности, со зла возьми и ткни в США. А Эрдумте и крыть нечем. Не скажет же она, мол, нет, детям в США живет прекрасно. Так, а еще где? – задала она наводящий вопрос. В ФРГ, – не растерялся Миха, и на это Эрдумте тоже ничего возразить не могла. Так, а еще где? – не теряя надежды, спросила она. Ну, вообще всюду, где капитализм, – ответил Миха. А что насчет Вьетнама? – спросила Эрдумте Леффелинг, и девятилетний Миха твердо ей ответил: Во Вьетнаме детям живет гораздо лучше, потому что дети Вьетнама радуются освобождению, за которое сражаются их непобедимый народ!* [10, с. 93–94] Пуант этой истории обусловлен тем, что персонаж демонстрирует нелогичность предложенного ему идеологического стереотипа и сопутствующего ему речевого клише (о страдающих детях Вьетнама), соединяя его с другими подобными клише (о несчастных жителях капитали-

стических стран и о неизбежной победе вьетнамского народа). В этой и других историях из книги Бруссига проявляется часто наблюдаемая в тоталитарных обществах функция юмора разрушать ритуал, дисциплинирующий жителей страны, в том числе ритуал речевой. Таким образом, анекдот становится частью антитоталитарного языка, в который, по мысли А. Вежбицкой, входят и другие составляющие (ирония, языковые игры, сквернословие, иноязычные слова и т.д.) [11]. Активное участие детей в анекдотических ситуациях, о которых рассказывают истории «Солнечной аллеи», позволяет соотнести этот тип повествования с немецкими анекдотами о мальчике Фрицхене, аналоге российского Вовочки. И в немецком, и в советском фольклоре социалистического времени присутствуют анекдоты, в которых ребенок (Фрицхен, Вовочка) разрушает коды официальной пропаганды, либо, не соблюдая правила игры, либо доводя их до абсурда.

В произведении Каминера политический анекдот как претекст играет меньшую роль, хотя эта модель различима в «советских» эпизодах книги, например, в рассказе о телеведущем «Международной панорамы», который показывал ужасы заграничной жизни, но *самоотверженно ездил туда год за годом*. [12, с. 13] Политическую окраску имеют и некоторые анекдотические истории о постсоветской России. Так черным юмором проникнута история о том, что якобы Никита Михалков собирается ответить на фильм «Враг у ворот» Жан-Жака Анно *военным фильмом всех времен «Взятие Берлина» [...] Разрушенный Берлин построят в Грозном, ветераны войны смогут принять участие в съемках бесплатно. Денег в России, конечно, немного, зато есть настоящие пушки и настоящее мирное население, которое для пуцега реализма можно по-настоящему расстреливать* [12, с. 90]. Этот фрагмент сближается уже с анекдотами о России конца 1990-х – начала 2000 гг., времени создания книги Каминера. Однако основной претекст историй в «Russendisko» – это аполитичные, по крайней мере на эксплицитном уровне, анекдоты о национальностях. При этом вместо характерного для российского анекдота конца XX – начала XXI в., набора персонажей (американец, француз и русский) истории книги, как правило, построены на оппозиции: «россиянин – немец». Примечательно при этом, что в дискурсе «Russendisko» почти отсутствует противопоставление «русский – еврей», характерное для российских анекдотов о национальностях, несмотря на то, что рассказчик упоминает о спе-

цифике положения евреев в СССР и об особенностях еврейской эмиграции. Немцы соотносены в контексте повествования скорее не с русскими как этнической группой, а с выходцами из СССР или постсоветской России. Этой категории персонажей часто приписываются в историях, рассказанных в книге, те свойства, которые отличают русского в российских анекдотах – бесшабашность, иррациональность, любовь к алкогольным напиткам и парадоксальное везение в трудных жизненных ситуациях. Немцам, напротив, приписывается, как в анекдотах, так и в некоторых историях книги, здравый смысл, законопослушность, отсутствие гибкости сознания. Такими предстают выходцы из России и немецкие люди в истории о том, как рассказчик и его приятели перепродавали на вокзале в Берлине пиво, купленное в супермаркете на окраине города. Немецкая семья, торговавшая рядом домашними бутербродами, с презрением наблюдала за их деятельностью. Пуант анекдотической истории состоит в том, что нагрянувшая на вокзал санитарная комиссия задержала за нарушения именно немецкую семью, не обратив внимания на бизнес трех приятелей. Присущую якобы немецкому сознанию ригидность высмеивает история о Клаусе, учившем русский язык по передаче «Немецкой волны» для детей от пяти до десяти лет. Благодаря этой передаче он привык начинать каждую фразу со слов «мой маленький друг». Приехав в Москву, Клаус оказался в коммунальной квартире, где, пока он спал, произошло убийство. Увидев кровь на полу, Клаус стал кричать в окно: *На полу кровь, мои маленькие друзья, на полу кровь!* [12, с. 78] В результате его сначала приняли за сумасшедшего, а потом задержала милиция. Эта история явно связана интертекстуально с тематической группой анекдотов об иностранцах, изучающих русский язык и неудачно использующих выражения.

Может сложиться впечатление, что Каминера по праву упрекают в тиражировании этнических стереотипов и клишированных представлений о странах. Однако стереотипные анекдотические персонажи (русские пьяницы, женщины, ищущие мужей на Западе, проститутки из России и т.п.) соседствуют в его книге с фигурами, нарушающими рамки анекдотического шаблона: бережливые россияне, не употребляющие алкогольных напитков, увлеченные бизнесом, бывшие россиянки, равнодушные к брачным узам. В историях, рассказанных в книге, нередко происходит нарушений заданной анекдотическим претекстом схемы и соответственно читательских ожиданий. Таков,

например, рассказ о немце Мартине, который отправился на велосипеде по российской провинции. Перед отъездом он просит научить его говорить по-русски: *Уважаемая госпожа, можно мне у вас переночевать?* [12, с. 111] Выходцы из России отговаривают его от такого способа выражения, уверяя, что в России такая культура общения непонятна и в деревнях лучше говорить: *Эй, старуха, хочешь заработать пять долларов?* [12, с. 111] Пуант состоит в том, что Мартин находит в России полное взаимопонимание с жителями и благополучно доезжает до Уральского хребта. Таким образом, истории «Russendisko», воспроизводя этнические стереотипы, играют с ними, то подтверждая, то разрушая их.

Фигура русского появляется и у Бруссига. В его нарративе о русских опять же просматриваются черты политического анекдота времен ГДР, когда СССР воспринимался как «старший брат», угнетающий страны Восточного блока. Протестом против диктатора СССР в политике и культуре отмечены многие образцы немецкого фольклорного анекдота, эта же тенденция присутствует в ряде историй Бруссига, например, в сцене поступления Миши в школу, готовящую к обучению в Москве: персонаж сводит на нет усилия родителей обеспечить престижное, по их представлениям, будущее, шокировав начальницу учебного заведения своим внешним видом и стишком, которому научил его западногерманский дядя Хайнц. Стишок заканчивается словами: *русскими нам не бывать.* [10, с. 159] Следует заметить, что фигура русского приобретает к концу книги другую окраску, более позитивную. Вместо диктатора тут появляется русский помощник. Начавшись с исторического анекдота, «Солнечная аллея» им и заканчивается. Персонажи Марио и экзистенциалистка, у которой начались родовые схватки, торопятся в роддом. Их останавливают, приказывая пропустить вперед кортеж машин с советской делегацией. На отчаянные жесты Марио один из лимузинов останавливается и из него выходит русский. *На лбу у него выделялось огромное родимое пятно* [10, с. 185]. Движением руки русский останавливает ливень, а затем сам принимает роды. Не назвав своего имени, *кудесник русский* [10, с. 186] садится в машину и уезжает. В этой истории различимы черты исторического анекдота – человек с родимым пятном на голове явно ассоциируется у читателя с Михаилом Горбачевым, а совершенные им чудеса – с чудом падения Берлинской стены, которое на протяжении всей книги кажется персонажам немислимым.

Таким образом, исследование произведений Бруссига и Каминера позволяет сделать выводы как об их общности – интертекстуальной связи с фольклорным жанром анекдота (в том числе в дискурсе о странах и национальностях), так и о различиях: в книге Бруссига большую роль играет в качестве претекста политический анекдот, в книге Каминера – анекдот конца XX – начала XXI вв. о национальностях. Эти тенденции определяют и обращение авторов к различным тематическим подгруппам анекдота (анекдоты о Монголии, о наглом русском, о Фрицхене и т.д. – в «Солнечной аллее», об иностранцах, изучающих русский, о безалаберном россияине – в книге Каминера). Можно отметить, что в отличие от Каминера, который, как уже говорилось, почти не акцентирует в историях этнические различия между выходцами из России, Бруссиг использует такой претекст как анекдот о саксах (где жители этого региона представлены недалекими и говорящими на смешном диалекте). Именно такими показаны саксонские гости, приезжающие в Берлин к семье Купиш. В отличие от берлинцев они нерушимо верят всем идеологическим лозунгам. Оторванность от реальности демонстрирует и приехавший из Дессау (город в Саксонии) отец Мириам, не понимающий, что он попал к контрольно-пропускному пункту.

В заключение правомерно задать вопрос о причинах использования анекдота в качестве претекста современной прозы. Это и развлекательная функция, и попытка передать эпоху средствами ее саморепрезентации – в анекдоте. Интерес к данному жанру можно связать и с закатом больших нарративов, характеризующим, по Ж.Ф. Лиотару, постмодернистскую парадигму [13].

Список литературы

1. Schlechte H., Schlechte K.-D. Witze bis zur Wende. 40 Jahre politischer Witz in der DDR. München: Ehrenwirth-Verlag, 1996. 3. Auflage. 269 S.
2. Wiener R. Hinter vorgehaltener Hand – der politische Witz in Deutschland. Leipzig: Militzke, 2003. 221 S.
3. Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Русский анекдот. Текст и речевой жанр. М.: Языки славянской культуры, 2002. 144 с.
4. Е. Курганов Сергей Довлатов и линия анекдота в русской прозе // Арьев А.Ю. (сост.) Сергей Довлатов: творчество, личность, судьба. Итоги Первой международной конференции «Довлатовские чтения». СПб.: Звезда, 1999. С. 208–223.
5. Риндинсбахер Х. Воображаемые и реальные путешествия Владимира Каминера // НЛЮ. 2006. № 82. Авторизованный перевод Т. Воронцовой. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/82/ri25.html>. (дата обращения 12.11.2014).
6. Чистякова Г. Пропагандисты пошлятины и серости // Литературный европеец. Ежемесячный журнал Союза русских писателей в Германии. № 172. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.le-online.org/old/index.php?option=com_content&task (дата обращения 12.11.2014).
7. Wilpert G. von Sachwörterbuch der Literatur. Stuttgart: Kröner, 1989. 1054 S.
8. Hempfer K.W. Intertextualität, Systemreferenz und Strukturwandel: die Pluralisierung des erotischen Diskurses in der italienischen und französischen Renaissance-Lyrik (Ariost, Bembo, Du Bellay, Ronsard) // Titzmann M. (Hg.) Modelle des literarischen Strukturwandels. Tübingen: Niemeyer, 1991. S. 7–43.
9. Руднев В. Энциклопедический словарь культуры XX века. М: Аграф, 2003. 608 с.
10. Бруссиг Т. Солнечная аллея. М.: СЛОВО / SLOVO, 2004. Перевод М. Рудницкого. 192 с.
11. Wierzbicka A. Antitotalitarian language in Poland: some mechanisms of linguistic self-defence // Language in society. Vol. 19. Issue 01. 1990. P. 1–59.
12. Каминер В. Russendisko. М.: Новое литературное обозрение, 2003. Авторизованный перевод Н. Клименюка, И. Кивель. 192 с.
13. Лиотар Ж.Ф. Состояние постмодерна. Перевод Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 1998. 160 с.

ANECDOTIC DISCOURSE ABOUT COUNTRIES AND NATIONALITIES IN THE GERMAN LITERATURE AT THE TURN OF THE 20TH AND 21TH CENTURY

A.V. Eliseeva

The purpose of this research study is to examine some pretexts of two books written at the turn of the 20th and 21st century – Thomas Brussig’s “At the Shorter End of Sonnenallee” and Wladimir Kaminer’s “Russian Disco”. In these works the country and nationality discourse is important. The comparative method and the intertextuality analysis are used. As the result the intertextual connection of narrative strategies in the both books with the anecdote (the joke) was found out. It also may be concluded that the texts use different anecdote subgenres – in Brussig’s book the political anecdote is the main pretext, in the Kaminer’s one – the ethnic joke. The play with ethnic stereotypes in Kaminer’s work and Brussig’s politically determined narrative dynamics are shown.

Keywords: Thomas Brussig, Wladimir Kaminer, German prose at the turn of the 20th and 21st century, anecdote, intertextuality, pretext, national stereotypes.

References

1. Schlechte H., Schlechte K.-D. Witze bis zur Wende. 40 Jahre politischer Witz in der DDR. München: Ehrenwirth-Verlag, 1996. 3. Auflage. 269 S.
2. Wiener R. Hinter vorgehaltener Hand – der politische Witz in Deutschland. Leipzig: Militzke, 2003. 221 S.
3. Shmeleva E.Ya., Shmelev A.D. Russkiy anekdot. Tekst i recevoy zhanr. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2002. 144 s.
4. E. Kurganov Sergey Dovlatov i liniya anekdota v russkoy proze // Ar'ev A.Yu. (sost.) Sergey Dovlatov: tvorchestvo, lichnost', sud'ba. Itogi Pervoy mezhdunarodnoy konferentsii «Dovlatovskie chteniya». SPb.: Zvezda, 1999. S. 208–223.
5. Rindinsbakher Kh. Voobrazhaemye i real'nye puteshestviya Vladimira Kaminera // NLO. 2006. № 82. Avtorizovanny perevod T. Vorontsovoy. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/82/ri25.html>. (data obrashcheniya 12.11. 2014).
6. Chistyakova G. Propagandisty poshlyatiny i serosti // Literaturnyy evropeets. Ezhemesyachnyy zhurnal Soyuzu russkikh pisateley v Germanii. № 172. [El

- elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.le-online.org/old/index.php?option=com_content&task (data obrashcheniya 12.11. 2014).
7. Wilpert G. von Sachwörterbuch der Literatur. Stuttgart: Kröner, 1989. 1054 S.
8. Hempfer K.W. Intertextualität, Systemreferenz und Strukturwandel: die Pluralisierung des erotischen Diskurses in der italienischen und französischen Renaissance-Lyrik (Ariost, Bembo, Du Bellay, Ronsard) // Titzmann M. (Hg.) Modelle des literarischen Strukturwandels. Tübingen: Niemeyer, 1991. S. 7–43.
9. Rudnev V. Entsiklopedicheskiy slovar' kul'tury KhKh veka. M: Agraf, 2003. 608 s.
10. Brussig T. Solnechnaya alleya. M.: SLOVO / SLOVO, 2004. Perevod M. Rudnitskogo. 192 s.
11. Wierzbicka A. Antitotalitarian language in Poland: some mechanisms of linguistic self-defence // Language in society. Vol. 19. Issue 01. 1990. P. 1–59.
12. Kaminer V. Russendisko. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2003. Avtorizovanny perevod N. Klimenyuka, I. Kivel'. 192 s.
13. Liotar Zh.F. Sostoyanie postmoderna. Perevod N.A. Shmatko. M.: Institut eksperimental'noy sotsiologii, SPb.: ALETEYYa, 1998. 160 s.